

УДК 81.42
ББК 81
С 45

Скребцова Т. Г.

С 45 Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика.
Курс лекций. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 312 с. —
(Studia philologica).

ISBN 978-5-907290-15-0

В книге освещается широкий круг вопросов, связанных с лингвистическим анализом дискурса в структурном, семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах, дается системное и комплексное представление о научных достижениях в этой области. Изложение основного материала сопровождается приложениями, которые содержат обзор исследований, связанных с определенной тематической областью, методом или школой дискурсивного анализа. В совокупности это создает широкую картину, отражающую многообразие современных дискурсивных исследований и позволяющую читателю ориентироваться в потоке соответствующей литературы.

Издание адресовано филологам, интересующимся структурными, семантическими, социально-культурными и когнитивными аспектами текста, речи, коммуникации. Оно также может быть использовано в практике преподавания ряда гуманитарных и общественных дисциплин.

УДК 81.42

ББК 81

ISBN 978-5-907290-15-0

9 785907 290150 >

© Т. Г. Скребцова, 2020
© Издательский Дом ЯСК, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Дискурс и дискурсивные исследования	11
Дискурс и смежные понятия	11
Типы дискурса	21
Анализ дискурса как научное направление	35
Глава 2. Структура дискурса	49
Различные подходы к определению структуры дискурса	49
Единицы дискурсивного анализа	57
Структурные свойства дискурса	60
Приложение 1. Структура бытового разговора (школа конверсационного анализа)	78
Приложение 2. Единицы речевого взаимодействия (на примере школьных уроков)	89
Приложение 3. Исследования структуры нарративного дискурса	103
Глава 3. Семантика дискурса	112
Различные подходы к интерпретации семантики дискурса	112
Объективность vs. субъективность содержания дискурса	117
Три ракурса рассмотрения семантики дискурса	119
Тема дискурса	131
Контекст дискурса	139
Прецедентные феномены в дискурсе. Интертекстуальность	147
Приложение 1. Контент-анализ советского дискурса (Г. Лассвелл, С. Якобсон)	158

Приложение 2. Структурно-семантический анализ отдельных жанров	173
Приложение 3. Когнитивный анализ политического дискурса (Дж. Лакофф)	189
Глава 4. Прагматика дискурса	200
Лингвистическая прагматика как подход к анализу дискурса	200
Теория речевых актов и ее применение к анализу дискурса	201
Принцип Кооперации	207
Принцип Вежливости	222
Коммуникативные стратегии и тактики	232
Мена коммуникативных ролей	236
Коммуникативная инициатива	238
Приложение 1. Исследования этнокультурного аспекта устного дискурса (интеракциональная социолингвистика)	242
Приложение 2. Гендерный аспект дискурса	259
Именной указатель	279
Предметный указатель	285
Литература	290

ПРЕДИСЛОВИЕ

В отечественной гуманитарной науке термин *дискурс* в последние годы стал чрезвычайно популярен. Да что там в науке — с легкой руки писателя Пелевина *дискурс* (на пару с *гламуром*) пошел в широкие читательские массы, смущая их своим иностранным обликом, вариативностью ударения и неопределенностью значения.

В научных кругах, однако, к нему быстро привыкли, и сегодня редко кого удивят или покоробят выражения *анализ дискурса*, *дискурсивные исследования* (разве что построенный по англоязычной грамматической модели *дискурс-анализ* немного смущает, но, вероятно, и это пройдет). Но вот словосочетание *лингвистика дискурса* пока еще остается редким.

Казалось бы, была *лингвистика текста* — почему бы теперь не возникнуть *лингвистике дискурса*? Однако внешняя аналогия обманчива. Как известно, лингвистика текста как особое направление формировалась в 1960–1970-е гг. под влиянием идеи о возможности расширения уровневой модели языка за счет добавления следующего за предложением уровня языковой структуры — уровня текста. Много усилий было потрачено языковедами на то, чтобы выделить и описать этот надсинтаксический уровень со структурной точки зрения (выявить единицы, из которых текст складывается, и определить правила их комбинации друг с другом), прежде чем стало понятно, что текст не поддается анализу в сугубо лингвистических категориях, а следовательно, не является уровнем языка. Но первоначально такая иллюзия была, и выражение *лингвистика текста* воспринималось как название нового раздела языкознания, логически следующего за синтаксисом.

Иначе обстоит дело с *лингвистикой дискурса*. Когда в начале 1980-х гг. в зарубежных странах возник анализ дискурса, неудачи, связанные с попыткой распространить структурную модель языка на текст, уже были осознаны и осмыслены¹. А ведь дискурс, согласно стандартной точке зрения, — еще более широкое понятие, чем текст. Новое направление позиционировало себя в качестве широкой междисциплинарной области исследований, места встречи и сотрудничества представителей разных научных дисциплин. Поэтому для *лингвистики дискурса* с самого начала была невозможна интерпретация, аналогичная той, что подразумевалась для *лингвистики текста*.

Какой смысл тогда можно вкладывать в это словосочетание? В словаре по семиотике А. Греймаса и Ж. Курте (1979, русский перевод — 1983) предлагаются две трактовки понятия *дискурс*, широкая и узкая. При широкой интерпретации дискурс отождествляется с семиотическим процессом, со всем многообразием способов вербального и невербального поведения. Узкая интерпретация сводит дискурс к языковой практике; в этом случае его «следует рассматривать как объект научной дисциплины — лингвистики дискурса или дискурсивной лингвистики» [Греймас, Курте 1983: 488]. Итак, с семиотической точки зрения, лингвистика дискурса — это лингвистика языковой практики.

В более позднем специализированном издании — французском энциклопедическом словаре по анализу дискурса (2002) — отмечается тенденция к противопоставлению лингвистики дискурса собственно лингвистике («лингвистике языка»), по аналогии со знаменитой оппозицией речи и языка. Однако авторы предостерегают от приравнивания лингвистики дискурса к «лингвистике речи», тем более что последняя весьма конспективно очерчена Ф. де Соссюром в его «Курсе общей лингвистики». К тому же за прошедшее столетие соотношение понятий языка и речи изменилось под влиянием исследований в области семантики, прагматики, когнитивистики [Charaudeau, Maingueneau 2002: 190]. Таким обра-

¹ Речь идет об анализе дискурса в современном понимании, а не в том варианте, что развивался З. Харрисом в его работах 1950-х гг.

зом, читатель узнает о том, чем лингвистика дискурса не является, но не получает какого бы то ни было положительного суждения.

В отсутствие определения обсуждаемого понятия ничего не остается, как предложить собственный взгляд. Поскольку дискурс — понятие чрезвычайно широкое и многогранное, любая попытка описать исследования в этой области предполагает ограничения. Следовательно, выражение *лингвистика дискурса* можно понимать как сосредоточение на лингвистических аспектах дискурса и дискурсивных исследований, в отвлечении от других — социологических, психологических, этнографических и т. д. (ср. *социология дискурса, психология дискурса, семиотика дискурса* и пр.).

Конечно, при изучении единого объекта любое разделение аспектов довольно условно, и даже обсуждение тем, указанных в подзаголовке настоящей книги, предполагает выход за границы языкознания. Так, вопрос о строении дискурса своими корнями уходит в лингвистику текста, показавшую, что структурная организация у текста / дискурса (в той степени, в какой о ней вообще можно говорить) не является языковой по своей природе. В то же время лингвисты внесли и продолжают вносить весьма существенный, если не основной, вклад в ее изучение. Что касается семантики дискурса, ее анализ в принципе невозможен без обращения к внешнему миру, речевой ситуации, фоновым знаниям участников и пр. (ср. широкую концепцию семантики в [Кобозева 2004: 13–16]). Прагматика как область, связанная с употреблением языка, по своему определению связана с выходом за рамки языковой системы. При этом ряд феноменов, связанных скорее с социологией дискурса, представляют для нее несомненный интерес, так как имеют характерные лингвистические проявления.

Насколько оправданным является понятие лингвистики дискурса? Сошлемся здесь на довольно давнее высказывание А. Е. Кибрика [1987: 35]: «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики». Характерной чертой языкознания последних десятилетий является последовательное укрупнение единиц анализа: от предложения к сверхфразовому единству, к тексту и далее к дискурсу. «Пози-

ционирование лингвистики дискурса — это одно из проявлений экспансионизма в гуманитарной науке вообще и лингвистике в частности» [Чернявская 2014: 147].

Высказывались даже мнения о приоритетности дискурса как объекта лингвистического изучения. Задолго до вхождения этого термина в научный оборот и формирования анализа дискурса О. Есперсен писал [1958/1924: 15]: «Во всяком случае, невозможно понять, что такое язык и как он развивается, если не исходить постоянно и прежде всего из процессов говорения и слушания». Ср. современную формулировку:

...дискурс — это единственный заведомо реальный лингвистический объект. Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструкты, плоды того или иного анализа, а раз так, то и трудно достичь согласия относительно их состава и природы. Поэтому естественное построение лингвистики как науки и следовало бы начинать с исследования дискурса, а лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур [Кибрик 2009: 3].

Настоящая книга состоит из четырех глав. Изложение материала в каждой из них, за исключением первой, сопровождается приложениями, направленными на расширение представлений об отдельных вопросах, затронутых в самой главе. Приложения содержат обзор исследований, связанных с определенной тематической областью (структура нарративного дискурса, гендерный аспект дискурса), методологией (контент-анализ, структурный и когнитивный анализ) или отдельной научной школой (конверсационный анализ, Бирмингемская школа, интеракциональная социолингвистика).

Первая глава носит вводный характер. Она посвящена обсуждению содержания понятия «дискурс», его соотношениям с близкими по смыслу и более привычными понятиями текста, речи и стиля, проблеме выделения типов дискурса, а также истории становления дискурсивных исследований.

Вторая глава освещает круг вопросов, связанных со структурой дискурса. Проблема определения единиц дискурсивного анализа, кратко затронутая в тексте самой главы, подробно раскрывается в приложениях, посвященных исследованиям структуры бытового диалога (на примере американской школы конверсационного анализа) и коммуникации учителя с учениками на школьных уроках (Бирмингемская школа). Отдельно прослеживается история структурного подхода к исследованию нарративного дискурса (устного и письменного, бытового и литературного).

Третья глава отражает исследования, относящиеся к семантике дискурса. В соответствии с преобладающей точкой зрения, мы исходим из того, что содержание дискурса в значительной степени субъективно и меняется в зависимости от контекста. Поэтому разграничиваются три ракурса рассмотрения вопросов, относящихся к содержанию дискурса, а именно: семантические аспекты порождения дискурса, семантические аспекты понимания дискурса и семантика дискурса с позиции исследователя. Последний из них касается прежде всего методов семантического анализа и подробно иллюстрируется в приложениях. В Приложении 1 излагается метод контент-анализа в его оригинальном варианте на материале работ Г. Лассвелла. Приложение 2 посвящено структурному анализу текстов разных жанров. Приложение 3 представляет собой пример качественного анализа политических текстов в рамках когнитивной теории метафоры, дополненный работами, в которых делаются попытки сочетать качественный анализ с количественным применительно к аналогичному материалу.

Наконец, четвертая глава посвящена прагматическому аспекту дискурса. Как известно, теория речевых актов и «классическая» лингвистическая прагматика обычно ограничивались рассмотрением отдельно взятых, искусственно построенных предложений, что нередко вызывало критику. Однако многие достижения лингвистической прагматики релевантны и для дискурса: именно их мы и рассматриваем в настоящей книге (в то же время опуская понятия семантической пресуппозиции и перформативного высказывания, сфера действия которых ограничена одним предложением). Так, классификация речевых актов может быть использована при

выделении типов дискурса, импликатура часто становится заметна только при учете, по меньшей мере, пары соседних реплик; что же касается таких понятий, как коммуникативные стратегии и тактики, мена ролей, коммуникативная инициатива, они и вовсе требуют для своего анализа отрезки длиннее отдельного предложения. В качестве приложений приводятся обзоры исследований этнокультурного и гендерного аспектов дискурса, вскрывающие вербальные и невербальные коммуникативные особенности, предположительно обусловленные соответствующими социологическими параметрами.

Отдельно следует сказать о библиографии. Вследствие широты и размытости области дискурсивного анализа, литература по ней практически необозрима, и список без труда можно было бы умножить. Мы предпочли ограничиться работами, которые наиболее значимы либо для всей области в целом (таковы обобщающие публикации по анализу дискурса [Brown, Yule 1983; Stubbs 1983; Schiffrin 1994; Макаров 2003]), либо для той или иной темы. Практически не рассматривается пласт исследований, посвященных электронной коммуникации, что связано с их недостаточной разработанностью, фрагментарностью, отсутствием единой «системы координат» (что не исключает высокой численности).

Содержание книги основывается на материале лекционного курса по анализу дискурса, который автор читает на Филологическом факультете СПбГУ на протяжении 15 лет.

ГЛАВА 1

ДИСКУРС И ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискурс и смежные понятия

Дискурс vs. текст, речь, стиль

В наши дни термин *дискурс* уже прочно закрепился в гуманитарных науках, хотя его содержание допускает различные интерпретации и в целом оказывается довольно широким и размытым. Введение нового термина всегда требует определения его отношений с уже имеющимися близкими терминами, и в этом плане *дискурс* не стал исключением. В 1980–1990-е гг., на этапе становления дискурсивных исследований, много труда было потрачено на установление соотношений между понятиями «дискурс», «текст» и «речь». Ведь с формальной точки зрения все они соответствуют тому, что американский постструктуралист З. Харрис (который, собственно говоря, и ввел термин *дискурс* в научный оборот) называл «языком выше уровня предложения» (англ. «*language above the sentence*»).

В литературе представлены разные точки зрения на соотношение указанных понятий. В том, что касается их объема, разумным представляется подход В. В. Богданова, который предложил считать *дискурсом* языковой материал в любой его репрезентации — будь то звуковая или графическая — и рассматривать данный термин как родовой по отношению к *речи* и *тексту*. При этом термин *текст*, который также неоднозначен, следует трактовать узко — как языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе [Богданов 1993: 5–6].

В плане содержательных различий наибольшие сложности вызывает соотношение между понятиями «дискурс» и «текст». Попытки их разграничить проводились на основе следующих критериев, ср.:

1. По линии *письменный текст vs. устный дискурс*. Действительно, термин *дискурс* часто подразумевает устную реализацию, а *текст* — письменную. Но это далеко не всегда так, а потому при таком подходе объем этих понятий (в особенности дискурса) неоправданно сужается. Кроме того, деление на письменную и устную реализацию не всегда однозначно: к примеру, доклад можно рассматривать и как письменный текст, и как устное выступление (хотя и монологическое по своей природе);
2. путем привлечения понятия ситуации: *дискурс* предлагается рассматривать как ‘текст плюс ситуация’ (речь идет об учете соответствующей коммуникативной ситуации в совокупности ее разнообразных аспектов); тогда *текст*, соответственно, можно определить как ‘дискурс минус ситуация’;
3. с опорой на традиционную оппозицию «диалог — монолог», акцентируя интерактивность *дискурса* в противоположность *тексту*, являющемуся произведением, как правило, отдельного автора. Однако сама по себе эта оппозиция довольно условна — о диалогичности языка, речи и сознания писали многие исследователи. В связи с этим следует прежде всего упомянуть идеи М. М. Бахтина, вызвавшие к жизни новое направление гуманитарных исследований, связанное с феноменом интертекстуальности;
4. апелляцией к понятию действия, что особенно характерно для приверженцев так называемого критического анализа дискурса. Так, нидерландский лингвист Т. А. ван Дейк пишет, что *дискурс*, в отличие от *текста*, предполагает «как особую форму использования языка, так и особую форму социального взаимодействия, рассматриваемые совокупно в качестве законченного коммуникативного события, заключенного в некоторый социальный контекст» (цит. по [Wodak 1996: 14]).

5. Привлекаются и прочие критерии, такие как: функциональность — структурность, процесс — продукт, динамичность — статичность. Соответственно разграничиваются функциональный, динамичный *дискурс-как-процесс* и структурный, статичный *текст-как-продукт* (см., напр., [Brown, Yule 1983: 24]).

В Лингвистическом энциклопедическом словаре дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)». Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин *дискурс*, в отличие от термина *текст*, не применяется к древним текстам, связи которых с жизнью не восстанавливаются непосредственно. Под *текстом* понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под *дискурсом* — различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами [Арутюнова 1990а: 136–137].

Схожее мнение высказывает ван Дейк, определяя текст как «абстрактный теоретический конструкт, реализуемый в дискурсе» (цит. по [Stubbs 1983: 9]). В таком случае соотношение между понятиями текста и дискурса оказывается аналогичным тому, что существует между понятиями предложения и высказывания. Если текст складывается из последовательно расположенных предложений, то дискурс членится на высказывания. Действительно, минимальной единицей дискурса, по мнению большинства исследователей, является высказывание² [Ibid.: 9–10].

Ссылаясь на определение дискурса как «функционирование языка в реальном времени» [Кибрик, Плунгян 1997: 308], Е. С. Кубрякова [2000: 22] подчеркивает, что дискурс анализируется адресатом

²Термин *высказывание* в настоящей книге употребляется в смысле ‘актуализованное предложение’.

в режиме онлайн. Из этого не следует, что речь идет исключительно об устной речи: имеется в виду рассмотрение текста или речевого произведения в динамике — по ходу его порождения или понимания.

Ввиду возникающих сложностей разумным кажется отказ от жесткого разграничения дискурса и текста, ср.: «Дискурс — более широкое понятие, чем текст. Дискурс — это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [Кибрик, Плунгян 1997: 307]. К этой формулировке следует добавить, что «при дискурсивном анализе и процесс языковой (речевой) деятельности, и ее результат (= тексты) рассматриваются во вполне определенном ракурсе, с определенной точки зрения и, конечно, для решения особых задач» [Кубрякова 2000: 23].

Рассуждения о соотношении понятий «дискурс» и «речь» неизбежно влекут за собой введенное Ф. де Соссюром классическое противопоставление языка и речи. Введение понятия дискурса можно рассматривать как добавление третьего члена и трансформацию данной оппозиции в градуальную, где дискурс оказывается «между» языком и речью. Если язык представляет собой систему чистых отношений в отвлечении от конкретных пользователей и речевых ситуаций, а речь — реализации этой системы (всякий раз новые, индивидуальные, случайные), то дискурс предполагает возвышение над частными особенностями речи и попытку обобщения по тем или иным параметрам (тип участников, характер коммуникативной ситуации, целеполагание, тематика, исторический период и пр.).

Для представителей русистики и славистики очевидна близость понятия «дискурс» к более привычному понятию функционального стиля, ср.:

Функциональный стиль — это исторически сложившаяся, осознанная обществом подсистема внутри системы общенародного языка, закрепленная за теми или иными ситуациями общения (типичными речевыми ситуациями) и характеризующаяся набором средств выражения (морфем, слов, типов предложения и типов произношения) и скрытым за ними принципом отбора этих средств из общенародного языка [Степанов 1965: 218].

Функциональная стилистика, основы которой были заложены в 20–30-е гг. XX в. В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Л. П. Якубинским, членами Пражского лингвистического кружка, ставила перед собой задачу изучения многообразия речи. Новая дисциплина должна была описывать «стилистику разговорной и письменной речи — во всем многообразии их целей, а в зависимости от этого — и типов построения» [Виноградов 1980: 5].

Несложно заметить, что и сами понятия (дискурса и функционального стиля), и задачи соответствующих дисциплин весьма близки. Чем же в таком случае обосновано появление в 1980-е гг. нового термина? Вот как на этот вопрос отвечает Ю. С. Степанов:

Причина того, что при живом термине *функциональный стиль* потребовался другой — *дискурс*, заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции <...> *функциональный стиль* означал прежде всего особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т. д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания. Англосаксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, вне традиции — как к особенностям текстов [Степанов 1995: 36].

В то же время «дискурс не может быть сведен к стилю» [Там же: 41]. Дискурс — это

...«язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. <...> Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет [Там же: 44].

Хорошим примером может служить русский язык хрущевской и брежневской поры, который не был ни новым языком, ни новым подъязыком, ни новым стилем. Это именно дискурс как особое использование языка, в данном случае русского, для